

УДК 81'27.001.11:321.01

КОМПОЗИЦИОННО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ»

Дроздова С.А.

Актуальность. В научной парадигме конца XX – начала XXI вв. интенсивно развиваются новые междисциплинарные гуманитарные направления, позволяющие описывать язык как непрерывный поток речемыслительной деятельности, или дискурс. Одним из базовых концептов, функционирующих в коммуникативном пространстве политического дискурса, является концепт "власть". Яркой приметой настоящего периода оказывается новое наполнение содержания данного концепта. Так, "...по мере демократизации постсоветского общества концепт "власть" утрачивает свою иерархическую, главенствующую позицию в политическом пространстве и переходит в разряд обыденных, семантически расширяясь от унифицированной формы государственности до стабилизирующего фактора в условиях кризиса..." [2, с.343].

Целью статьи является рассмотрение возможных композиционно-стилистических способов современной организации концепта "власть".

Объект исследования – один из базовых концептов политики – концепт "власть".

Предмет исследования – композиционно-прагматические способы, используемые для интерпретации концепта "власть".

Теоретической основой статьи служат работы лингвистов, исследующих вопросы политической коммуникации, политического дискурса, когнитивной структуры ключевых концептов политики [О.И. Воробьева, Р. Водак, Ю.Н. Караулов, А.А. Романов, К. Серажим, Е.И. Шейгал, Г.М. Яворская и др.].

Материалом исследования служат тексты русскоязычных средств массовой информации конца XX – начала XXI вв.

Постановка проблемы. Как показывает анализ фактического материала, в средствах массовой информации достаточно часто используются различные стилистические приемы, композиционные способы организации текста, позволяющие передать ту или иную позицию адресанта и тем самым проецирующие или интерпретирующие оценку адресата. Рассмотрим основные приемы воздействия:

Стилистические средства. Как показывают примеры СМИ, при репрезентации концептуального пространства "власть" достаточно часто используются различные словообразовательные способы, с помощью которых создаются словообразовательные неологизмы с различной оценочной окраской.

Например:

"Наши горе-реформаторы" стремятся повернуть колесо истории в обратном направлении и уже завести страну даже не в XVIII век, а, похоже, в XII" [Коммунист, 6.02.2002] – оценочные общественно-политические неологизмы образуются путем сложения слов ("горе-реформаторы");

"Эффективная модель государства по-путински – это единовластие и централизация управления, сосредоточение всех рычагов в одних руках" [Время, 30.01.2002] – префиксально-суффиксальный способ образования слов:

“Но сам Чубайс, похоже, всего лишь верхушка гигантского “чубайсберга”, который постоянно выталкивает своего “главного ваучера” из темных вод “рыночной экономики” [Завтра, март, 2001] – сложение основ совершенно разных слов, в результате которого возникает аллюзия.

Кроме того, большой продуктивностью при образовании оценочных неологизмов в общественно-политической лексике обладают суффиксы *-ация, -изация*, которые по своему происхождению являются заимствованными (“*приватизация*” и производное от него окказиональное образование “*прихватизация*”). Суффиксы *-ец, -евец*, называющие имена лиц, имеющих отношение к каким-нибудь общественно-политическим группировкам, весьма частотны. Как отмечает А.М. Селишев в исследовании “Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926)”, “...образования на *-ец, -овец* сопровождают каждое явление революционного времени...” [4, с.171]. Для настоящего времени данное явление также, думается, является актуальным: *жириновец, ЛДПРовец, гайдаровец* и т.д.

Кроме того, необходимо отметить, что в прилагательных, производных от имен, оценочный признак денотата актуализируется уже как один из ядерных сигнификативных признаков значения (“*горбачевский*”, “*кучмовский*”, “*кунцынский*”, “*путинский*”). Достаточно часто в политическом языке применяется аббревиация в основном двух видов: аббревиатура из сочетания начальной части слова (слов) с целым словом (“*политинициатива*”, “*политпроизводство*”, “*политбульдоги*”) или его частью (“*кабмин*”, “*минфин*”, “*центризбирком*”); аббревиатура, состоящая из начальных букв названий и суффиксации (“*лосээрорцы*”, “*МЕДВЕДЬ*” – в значении “МЕжрегиональное ДВижение “ЕДинство”, “*БЮТи*” – в значении “Блок Юлии Тимошенко” от “*БЮТи*” – англ. beauty – “красота”).

Например: “Многим желающим пообщаться с лидерам *БЮТи* приходилось стоять в проходах – залы были переполнены” [Вечерние вести, 6.03. 2002].

Помимо слов с узуальной оценочностью, достаточно часто находят свое применение окказиональные оценочные слова (“*заедуници*”, “*жирики*”, “*коммуняки*”, “*дерьмократы*”, “*прихватизаторы*”, “*едиотовцы*” (“Единство” и “Отечество”), “*пищеблок*” в значении блок “За единую Украину”, то есть “*За еду*”, “*ДОСЯ*” (в значении “Демократический союз”).

Увеличение интенсивности негативного признака в значениях лексических единиц политического словаря выражают префиксы *супер-, гипер-, сверх-, ультра-, квази-*. Образованные с помощью этих префиксов слова имеют негативно-оценочные значения (“*сверхлиберальный*”, “*суперкапитализм*”), а в высказываниях выполняют функцию усиления неодобрительного отношения к предмету высказывания:

“Это, по сути, квазиправительство, новый мировой плантатор с электронным хлыстом в руках и ядерным кольтом на поясе” [Завтра, сентябрь, 2001];

“А что означает такую гиперинфляцию, которая оставит далеко позади гиперинфляцию российского рубля и будет сопоставима разве что с гиперинфляцией Веймарской Германии – со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде политического авторитаризма и милитаризации экономики” [Завтра, октябрь, 2001].

В некоторых случаях префикс *супер-* создает эффект эмоциональной насыщенности, чаще всего выражаемой коннотацией “презрительное”, а также усиливает негативно-оценочное значение основы эмотивными семами:

“Глобализм по-американски – это суперкапитализм, сверхимпериализм” [Завтра, сентябрь, 2001].

Как правило, данные префиксы используются в общественно-политической лексике оппозиционных газет. Таким образом, среди оценочных неологизмов, появившихся в последнее время в системе общественно-политической лексики, в основном преобладают

КОМПОЗИЦИОННО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ»

отрицательно-оценочные, включающие лексемы с пренебрежительной, презрительной, уничижительной и иронической окраской.

Экспрессивная сочетаемость:

"Парламент "обречен" на принятие решения 18 октября закона, который и станет для нашего политикума не только догмой, но и руководством к действию на ближайшие полгода" [Столичные новости, 16.10.2001] – в данном примере экспрессивность достигается за счет столкновения различных по стилю лексических единиц (*парламент "обречен", не только догмой, но и руководством*). В результате такого столкновения возникает дополнительный иронический смысл.

"В Крыму смешались представители различных этнических групп и вероисповеданий, здесь смертельно опасно разыгрывать "национальную карту"" [Народная трибуна, 20.02.2002] – экспрессивность достигается за счет соединения в одном высказывании полярных точек зрения на одно и то же явление (*разыгрывать карту – "национальную карту"*), объединение словосочетания "национальная карта" с глаголом "разыгрывать" создает аллюзию, в результате которой описываемое явление соотносится с устойчивым понятием (игра в карты).

"Но сам Чубайс, похоже, всего лишь верхушка гигантского "чубайсберга", который постоянно выталкивает своего "главного ваучера" из темных вод "рыночной экономики" [Завтра, март, 2001] – при сочетании основ возникает аллюзия.

Применение перифразы:

Данный прием представляет собой часть языковой игры, когда смысл высказывания может быть понят лишь современниками автора, живущими с ним в одной социальной среде:

"Насколько у некоторых из них хватит решительности на самостоятельные адекватные действия, желательны действия на опережение ситуации без выжидания реакции или разрешения большого стратегического партнера" (о США. – С.Д.) [День, 3.10.2001]:

"Война и свобода: тень черного вторника" (о террористическом акте в США 11.09.2001. – С.Д.) [Крымское время, 2.10.2001].

Использование субстандартной лексики и элементов разговорной речи:

Как отмечает А.Д. Васильев, "...процесс жаргонизации всей страны, ее литературного и нелитературного языка можно рассматривать как своеобразную реакцию на еще недавнюю стандартизированность, "приглаженность" и определенную безликость публичных выступлений (в том числе – и в средствах массовой информации), насыщенных официально-пропагандистскими штампами, с течением времени стершимися и утратившими выразительность: не последнюю роль в этом сыграло несоответствие многих лозунгов известным реалиям..." [1, с.155].

Постоянное использование сленга является яркой характеристикой современности при описании действий властей. Так, достаточно частотны существительные *"разборка"*, *"беспредел"*, глаголы *"кинуть"*, *"мочить"* и др.:

"Здесь происходят, конечно, внутренние разборки, но мятежам их считать нельзя" [Время, ОРТ, 3.02.2001] – существительное семантизируется в ТСРЯ с пометой разг.: "2. выяснение обстоятельств конфликта, обсуждение спорных вопросов, разборательство" [6, с.655] – в данном примере существительное *"разборка"* употребляется для обозначения конфликтных ситуаций внутривластного характера;

"Беспредел целой государственной системы" [2000, 13.03.2002] – в ТСРЯ существительное *"беспредел"* дается с пометой разг.: "отсутствие каких-либо норм, правил, законов в общественной, политической, экономической и т.п. жизни, во взаимоотношениях между людьми" [6, с.60]:

"Спикер нашего парламента умеет быстро адаптироваться к обстановке: хоть и вынужден был пропускать сессии из-за больничного, но в политических баталиях

разбирается куда лучше многих примерно посещающих дам под куполом депутатов” [Столичные новости, 16.10.2001];

“Таймс” даже заявила, что это, моя работа “на уровне низкопробного таблоида” [2000, 25.07.2003] – использование частиц “хоть”, “мал” в тексте политического содержания подчеркивает разговорность изложения, а следовательно, близость текста к читателю.

Применение эпитетов:

Достаточно часто эпитеты используются для характеристики профессии, социального статуса, определенного политического явления или периода:

“Теперь касаясь того, что сделано за время моего пребывания на губернаторском мостике” [НГ, 20.03.2001] – сочетание прилагательного “губернаторский” и уменьшительной формы существительного “мост” с суффиксом -ик создает аналогию с капитанским мостиком;

“Зато очередной раз прорваться в Госдуму через узкое избирательное горлышко решили сразу два митинговых горлопана – Виктор Анпилов и Станислав Терехов, политические отличия которых разобрать сложно” [Время, 17.03.2001] – в данном примере благодаря ярко выраженной оценочной семантике, осложненной экспрессивной сочетаемостью (избирательное + горлышко), создается аллюзия, в результате которой описываемое явление соотносится с прецедентным явлением (узкий ход как путь к воле = свободе = власти); (митинговые + горлопаны) – сочетание разностилевых лексических единиц создает особую экспрессивность политического текста.

Речевые клише:

Данное средство речи в лингвистической литературе определяется как готовый к употреблению знак, удобный для выражения определенного языкового содержания, несущего особую экспрессивную нагрузку. Советские речевые штампы для СМИ сегодня являются одним из важных источников выразительности. Можно предположить, что речевые клише представляют собой своего рода минипрецедентные тексты, широко известные, неоднократно повторяемые и возобновляемые. Например:

“Так что холодная война и гонка вооружений, навязанные Вашингтоном, имели и положительные особенности” [НГ, 10.10.2001];

“Чтобы оставить позади холодную войну, необходимо избавляться от ее реликтов” [НГ, 14.11.2001];

“Оказывается, не перевелись еще в Украине политики и чиновники, чьи ум, честь и совесть могут проявляться независимо от пожеланий Президента. Что уже дважды было продемонстрировано на заседаниях Кабинета министров” [Зеркало недели, 13.09.2003].

Однако достаточно часто встречаются примеры политических текстов, в которых наблюдается разрушение клише. В подобных случаях прежнее клише в тексте подразумевается, а эксплицитно присутствует его искаженная, новая форма или же старая форма с новым содержанием:

“Это, по сути, квазиправительство, новый мировой плантатор с электронным хлыстом в руках и ядерным кольцом на поясе” [Завтра, 09.2001] – в данном примере речевое клише “мировой жандарм” (о США) заменяется более современным – “мировой плантатор”, имеющим сходную семантику;

“Вы же не знаете, что в тени находится не половина экономики, а две трети... И вы, и ГНАУ – могильщики украинского экспорта, – резюмировал депутат” [2000, 18.04.2003] – в данном примере клише “ГНАУ – могильщик украинского экспорта” было создано на основе прежнего речевого клише “пролетариат – могильщик буржуазии”, являющегося лозунгом об исторической миссии рабочего класса [ТСЯС, с.339];

“Кадыры решают все” [Завтра, 07.2003] – данное клише представляет собой трансформацию популярного лозунга 1950-х годов “кадры решают все” и характеризует деятельность главы администрации Чечни Ахмада Кадырова.

КОМПОЗИЦИОННО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ»

Фразеологизмы:

Благодаря использованию фразеологизмов в общественно-политических текстах СМИ повышается выразительность изложения, его образность. Так, при трансформации фразеологизмов семантико-структурные изменения нарушают сложившиеся ассоциативные связи и, тем самым, обновляют данные фразеологизмы. Как писал Ш. Балли, нарушения привычных форм языка косвенно служат экспрессивности уже одним тем, что вносят в речь разнообразие, поскольку нет ничего более однообразного, как повторение одних и тех же форм [цит. по: 9]. Приведем несколько примеров:

Трансформация фразеологизма с сохранением его формы:

"Бойся Кабмина, постановления принимающего" [Голос Украины, 2.10.2001] – ср. Бойтесь данайцев, дары приносящих":

"На ООН надейся, а сам не плошай" [Крымская правда, 12.10.2001] – ср. На Бога надейся, а сам не плошай;

Советизмы:

Советизмы представляют собой своеобразную летопись новой жизни, поскольку в них запечатлены общественные отношения, этапы борьбы, созидательного труда и побед советских людей [цит. по: 7, с.5]. Данные лексические единицы, отражавшие советские реалии, наиболее часто встречаются в текстах оппозиционных политических газет [Отечество, Завтра, Коммунист, Искра и т.д.]:

"Решения 37 съезда КПУ – в жизнь!" – обыгрывается популярный лозунг советского периода:

"За последние годы нам не удалось добиться важного укрепления позиций и влияния партии в обществе, вернуть Украину на социалистический путь развития, восстановить власть трудового народа, возродить на новых основах Союз братских народов" [Искра, 23.07.2003] – классические примеры описания общественных явлений советского времени;

"От патриотического информбюро" [Завтра, 07.2003] – номинация коллегиального органа, избираемого или учреждаемого для ведения информационной работы в организации, учреждении.

"Оказывается, не перевелись еще в Украине политики и чиновники, чьи ум, честь и совесть могут проявляться независимо от пожеланий Президента. Что уже дважды было продемонстрировано на заседаниях Кабинета министров" [Зеркало недели, 13.09.2003].

Библеизмы, конфессиональная лексика:

Примеры использования библеизмов в политическом языке наблюдаются не так часто, как употребление других речевых средств, и характеризуются исследователями как процесс включения элементов чужого дискурса, сопровождающийся процессом "десемантизации" этих слов, "вымывания" их истинного содержания [3, с.194]:

"Интересно, что многие в оппозиции говорят о том же. Естественно, несколько в ином ракурсе: дескать, Президент хочет остаться. И исподволь возникает странная мысль: может, и они хотят, чтобы Президент остался? Ситуация напоминает библейский эпизод, когда Понтий Пилат спросил у Иисуса: "Ты кто, царь Иудейский?" В ответ послышалось: "Ты сам это сказал" [2000, 11.07.2003];

"Парламент "обречен" на принятие решения 18 октября закона, который и станет для нашего политикума не только догмой, но и руководством к действию на ближайшие полгода" [Столичные новости, 16.10.2001].

Рефлексивы:

В процессе коммуникации для сохранения правил, регулирующих речевое поведение, говорящий включает в высказывание специальные "сигналы", позволяющие ему изменить один эмоциональный тон на другой:

"Изменение системы власти потому и необходимо, чтобы, как говорил Петр I, "дурь каждого видна была" [2000, 18.04.2003];

Дроздова С.А.

“С точки зрения принципов свободы слова, не суть важно, был убит или был вынужден покончить самоубийством человек [Дэвид Келли, консультант британского министерства обороны], позволивший себе сказать то, что, по мнению некоторых чиновников, разглашать не должен ни при каких обстоятельствах” [2000, 25.07.2003].

Выводы. Таким образом, использование средствами массовой информации стилистических средств (эпитетов, сленга, перифраз, советизмов, библеизмов и др.), интерпретирующих концепт “власть” в общественно-политических текстах, дает возможность реализации властной прагматической установки – целенаправленного, политически мотивированного воздействия на сознание массового адресата с целью формирования общественного мнения и осуществления социального контроля [1, с.84].

Список литературы

1. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: очерки новейшего словоупотребления. – М.: Флинта: Наука. 2003. – 224 с.
2. Ермаков С.В., Ким И.Е., Михайлова Т.В., Осетрова Е.В., Суховольский С.В. Власть в русской языковой и этнической картине мира. – М.: Знак. 2004. – 408 с.
3. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры. 1996. – С. 32-66.
4. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917 – 1926). – М.: Работник просвещения. 1928. – 248 с.
5. Серажим К. Еволюція поглядів на дискурс // Актуальні проблеми журналістики: Зб. наук. пр. – Ужгород: МП Ліра. – С. 207-215.
6. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. – М.: ООО Изд-во Астрель. Издательство АСТ. 2001. – 944 с.
7. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс. 1998. – 704 с.
8. Яворська Г.М. Прескриптивна лінгвістика як дискурс: мова, культура, влада. – К., 2000. – 288 с.
9. Язык и стиль СМИ и пропаганды. – М.: МГУ. 1980. – 256 с.

Поступила в редакцию 10.03.2005 г.